

ГЛАВА СЕДЬМАЯ КРИЗИС СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИДЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ЖИТИЙНОМ ЖАНРЕ

Идеализация была одним из способов художественного обобщения в средние века. Писатель влагал в создаваемый им образ человека (государственного или церковного деятеля, святого) свои представления о том, каким **д о л ж е н** был быть этот человек, и эти свои представления о **д о л ж н о м** отождествлял с **с у щ и м**. Это было своеобразное выражение средневекового предпочтения дедукции индукции: писатель стремился выводить всё существующее из общих истин вместо того, чтобы обобщать жизненный опыт.

Это стремление к художественной дедукции, к подведению жизненных явлений под единый нормативный идеал, естественно, с особенной силой сказывалось в житийной литературе. Выражением этого в известной мере являлись и житийные трафареты, столь убедительно показанные В.О. Ключевским¹.

Обнаружение сложности человеческого характера, открытие в нем соединения злых и добрых черт² вели к гибели средневековой идеализации. Но процесс этот шел далеко не равномерно в отдельных жанрах. В первую очередь разрушалась идеализация в исторических произведениях. Но идеализация оставалась в житиях святых и не могла в них полностью исчезнуть в силу тех специфических, чисто церковных требований, которые предъявлялись к этому жанру.

Однако и в этот житийный жанр всё больше вторгаются в XVII в. те новые явления, которые сопутствовали в литературе открытию характера: интерес к рядовому человеку, к быту, к конкретной исторической обстановке и т. д. Идеализация в житийной литературе продолжала совершаться, но она совершалась на новой почве - почве, в значительной мере сниженной и упрощенной. Сам нормативный идеал, проводимый в этой идеализации, оказывается другим, менее сложным и отнюдь не вознесенным над бытом. С этой точки зрения особенно показательны два церковных произведения, которым литературоведы присвоили название "повестей": "Повесть о Марфе и Марии" и "Повесть о Ульянии Осорьиной"³.

"Повесть о Марфе и Марии" в сюжетной своей основе - типичное сказание о перенесении святыни из Царьграда на Русь, но этот сюжет вставлен в раму бытовых отношений. Перед читателем проходят местнические споры мужей обеих сестер, бытовая обстановка длинного путешествия, погони за чудесными старцами и т. д.

Так же, как и в "Повести о Марфе и Марии", в "Повести о Ульянии Осорьиной" идеализируется "средний человек", вполне "бытовая личность". Всё просто и обыкновенно в судьбе Ульянии Осорьиной. Но она, тем не менее, "святая", и ее "житие" оканчивается описанием ее посмертных чудес, тоже вполне бытовых и совсем не видных.

Ульяния - внешне ничем не примечательная женщина: она родилась в семье служилого человека; как и все в те времена, она выходит замуж очень рано - в 16 лет; муж ее - также обычный служилый человек. Ульяния рожает ему детей, ведет всё

"домовное строение" с помощью многочисленной челяди. Ее окружает семья - муж, свекор, свекровь, дети. Ей не только не удается осуществить своего заветного желания постричься в монахини, но порой нет даже возможности посещать церковь.

Идеализация ее образа идет своими путями, далекими от прежних житийных трафаретов. Она идеализируется в своих хозяйственных распоряжениях, в своих отношениях к слугам, которых она никогда не называла уменьшительными именами, не заставляла подавать себе воды для умывания рук или развязывать свои сапоги, а всегда была к ним милостлива и заботлива, наказывая их "со смирением и кротостию".

Она идеализирована и в своих отношениях к родителям мужа, которым она кротко подчинялась. Она слушает и своего мужа, хотя он запрещает ей идти в монастырь. Свекор и свекровь передали ей, в конце концов, ведение всего хозяйства, увидев ее "добротою исполнену и разумну". И это несмотря на то, что она потихоньку обманывала их, правда с благочестивыми намерениями. Не обходится в доме и без крупных конфликтов: один из слуг убивает ее старшего сына.

Прядение и "пяличное дело" равняется в ее житии подвигам благочестия. Ночная работа приравнивается к ночной молитве: "Точию в прядив-ном и в пяличном деле прилежание велие имяше и не угасаша свеща ея вся ноци"⁴.

Соединение церковного идеала со светским бытом не могло быть, однако, прочным. Рачительная хозяйка, она не только отказывается от мысли о пострижении - ей попросту не хватает времени ходить в церковь, чем заслуживает порицание своего приходского священника. Последний вынужден напоминать ей о ее долге прихожанки и для вящей убедительности подкрепляет свои увещевания рассказом о чуде: ему якобы был голос от иконы богородицы: "Шед, рцы милостливой Ульянеи: что в церковь не ходит на молитву..."⁵

Таким образом, Ульяния оказывается святой в своем хозяйственном служении домочадцам и тем, кто приходил к ней в дом. Соединение церковной идеализации с бытом неизбежно вело к разрушению идеализации. Церковные идеалы вступали в противоречие в бытом. Быт был многообразен, идеалы однообразны, и приспособление одного к другому вело к усложнению и разложению церковной идеализации.

Однако при всех внутренних противоречиях, наблюдаемых в "идеальном" образе Ульянии придирчивым и неодобрительным глазом современного исследователя⁶, образ Ульянии Осорьиной был ярок и привлекателен. По-видимому, это объяснялось именно теми бытовыми подробностями, которые придали ему особую убедительность, пленившую в свое время и В. О. Ключевского. Его известная лекция о "Добрых людях древней Руси"⁷, составленная отчасти на основании "Повести об Ульянии Осорьиной", - свидетельство художественной силы нового метода художественного обобщения, представившего собой соединение средневековой идеализации с нарождающимся бытовизмом XVII к.

Не меньший эффект производило то же соединение и в "Повести о Марфе и Марии". Опубликованная в переводе на современный русский язык в начале XX в. в журнале "София", она по мысли своих публикаторов должна была служить

доказательством художественной высоты древнерусской литературы, равной художественной высоте русской иконы⁸.

Думается, что Житие протопопа Аввакума в той его части, в какой оно связано с житийной литературой, развивает традиции именно этого типа житий - житий, прочно соединенных с бытом.

¹ В. О. Ключевский. Жития святых как исторический источник. М., 1871. Общих вопросов идеализации как особой формы художественного обобщения в данной главе не касаюсь. См. об этом статью В. Днепрова: Идеальный образ и образ типический (о формах художественного обобщения). "Новый мир", 1957, №7.

² См. главу 1-ю "Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в."

³ Русская повесть XVII в. Гослитиздат, Л., 1954, стр. 39-41 и 48-53. Ударение "Осоргина" или "Осорьино" традиционно сохраняется и до сих пор потомками этой фамилии.

⁴ Русская повесть XVII в., стр. 40.

⁵ Русская повесть XVII в., стр. 43.

⁶ См.: М. О. Ск рипи ль. Повесть об Улиянии Осоръичой. Там же, стр. 350-356.

⁷ В. О. Ключевский. Добрые люди древней Руси. М., 1907.

⁸ Журнал "София", 1914, № 2